

Андрис Лиена:

“Мариинский стал для меня вторым домом”

Мариинский театр. — 1994. — № 6. — С. 4.

— Какие впечатления остались у вас от премьерных спектаклей?

— Я очень рад, что театр нашел возможность взять эти спектакли в свой репертуар. Я думаю, что все молодые исполнители за те полтора месяца, что мы с ними работали, не просто смогли техниче­ски вырасти. Самое главное, что это спектакли с очень серьезной актерской направленностью — и “Шехеразада”, и “Жар-птица”. В этом очень помог Олег Михайлович Виноградов, особенно на генеральных репетициях. Он всегда присутствовал и самим своим присутствием помогал, чтобы все было на должном уровне. Очень интересно работал кордебалет. В общем, труппа отнеслась к этим спектаклям с большим чувством, и я действительно этому рад, потому что спектакли необычны не только для меня. Думаю, что они необычны и для всего теперешнего классического репертуара театра.

— Связывают ли вас с Мариинским театром какие-то официальные узы или вы — свободный художник?

— Во всяком случае, я пытаюсь свой график подстроить

каковой является “Дягилев-центр” и одного из ведущих театров мира. Я думаю, такие эксперименты будут на пользу всем, тем более, что у театра сейчас есть финансовые проблемы, связанные с сокращением дотаций...

— Чем вы сегодня себя ощущаете в большей степени: танцовщиком, хореографом, режиссером?

— Даже не знаю, как себя обозвать. Так как я недавно снимал фильм, то и режиссером себя чувствую тоже...

— Нет ли у вас еще каких-либо планов, связанных с кино?

— Планы есть, но пока не буду о них говорить. Часто бывает, что планы рушатся из-за того, что нет финансовых возможностей их осуществить. Я написал несколько сценариев для кино, связанных с музыкой, в частности, была идея поставить балет “Паганини” на рахманиновскую музыку.

— То есть появится оригинальная хореография Андриса Лиены?

— Я не знаю, честно говоря, что будет, но идеи меня пугают, и я думаю, что когда-нибудь удастся их воплотить. Я не знаю, здесь ли, на этой ли сцене, или я сначала наберу труппу, и если получится интересно, можно будет перенести и на большую сцену. Во всяком случае, если будет возможность, я с удовольствием попробую поставить что-то.

— Это будет классика или модерни?

— Мы неотрывны от классики. Люди, которые воспитывались в Императорских театрах — в Большом или в Мариинском — все равно не могут отойти от этого, а иностранцы, наоборот, пытаются взять здесь все, что можно. Люди, которые занимаются модерном, пытаются как можно больше взять от классики. Я в свое время работал в двух американских труппах, в которых интересно сочетались модерни и современная классика. Балачин, работал у Бекжара. Олег Михайлович Виноградов поставил здесь на меня “Петрушку”, и это тоже было совершенно необычное действие, которое даже не назывешь балетом как таковым. Это был какой-то сплав и пантомимы, и хореографии, и пластики. Такие вещи мне очень нравятся, я просто кулался в этом, когда танцевал “Петрушку”, жалко, что он не идет, это одно из самых интересных событий в моей жизни.

— Ваше сотрудничество с Виноградовым будет продолжаться?

— Мы хотели попробовать восстановить еще несколько балетов Фокина. Есть прекрасные балеты, сохраненные на Западе, например, “Золотой петушок”. Причем возможно сделать версию чисто балетную, а можно поставить оперу-балет. Можно поговорить с Валерием Абисляновичем, чтобы соединить два прекрасных коллектива и сделать необычный спектакль, который тоже существовал в “Русских сезонах” в Париже с декорациями Наталии Гончаровой. Я думаю, что их можно очень красиво переработать, сделать адаптацию для Мариинской сцены.

— Они сохранились?

— Декорации, наверное, погибли, но остались эскизы, очень много эскизов. Я думаю, что по “Петрушке” и по “Шехеразаде” нам было сложнее работать, потому что эскизы были разбросаны. Но все-таки мы их нашли. Все, что невозможно было найти — например, по “Жар-птице” было очень мало эскизов — мы доработали, взяв за основу то, что сохранилось.

— На последние представления “Китетца” вас можно было видеть в первом ряду партера. Ходят слухи о каком-то вашем проекте, связанном с этой оперой. Что вы могли бы сказать по этому поводу?

— Беатрис Дюпон — французский продюсер, с которой мы познакомились на съемках “Петрушки” — предложила мне снять этот спектакль Мариинского театра. Съемки должны проходить в декабре в Лионе. Однако тут есть проблемы. Я уже разговаривал с художником Мартом Китетским и режиссером Алексеем Степанюком. К сожалению, версия, которая идет сейчас на сцене, не поддается камере, ибо все решено на тюлях и проекциях. Через тюли снимать нельзя, но и убирать их тоже нельзя... Вот сейчас придет Валерий Абислянович и мы все вместе попробуем найти какое-то новое решение...

— Это будет фильм-спектакль?

— Не совсем. Речь идет о видеосъемке живого спектакля. Конечно, мне бы хотелось вложить туда максимум идей, которые возникают у меня при кино съемках, но с оперой это сложнее. Ведь если делать фильм, надо записывать фонограмму и заставлять артистов открывать рот. Я разговаривал со многими певцами — им, конечно же, удобнее и органичнее, когда снимается живой спектакль. Но это, конечно, дает меньше возможностей для каких-то изобразительных вещей. Да и потом, кино — более длительный процесс: съемки однократных балетов, к примеру, заняли у меня три месяца. Очень сложно освободить на такой срок целую труппу... Вот поэтому речь идет о спектакле и мы постараемся сделать все, чтобы он от съемок не потерял, а может быть даже что-то и приобрел...

— И последние: в чем, кроме “Жар-птицы”, можно будет в ближайшее время увидеть танцовщика Лиену?

— Как раз сейчас я готовлю к поездке в Вашингтон партию Золотого раба в “Шехеразаде”. Собственно говоря, весь тот классический репертуар, который я танцевал на сцене Мариинского, остается за мной. К сожалению, в этом сезоне как-то не получается станцевать Ромео — может, станцию на гастролях...

Беседавала

Анна БУЛЫЧЕВА

Фото Натальи РАЗИНОЙ

под работу Мариинского театра. Здесь я чувствую себя как дома — нормальная рабочая атмосфера, в которой бывают и сложности какие-то, и неудачи, но это нормально, как обычно бывает в родном театре. После спектакля я действительно наконец почувствовал, насколько для меня Мариинский стал вторым домом. Я, в общем-то, из Большого, и в любом новом театре, в который ты приходишь, очень сложно ощутить себя причастным ко всему, что происходит. На сегодняшний день я ощущаю это в полной мере и даже получаю больше, нежели мог рассчитывать. Я рад, что те идеи, которые я приношу в театр, находят прекрасное воплощение, что не возникает каких-то пустых сложностей, которые нас всегда и повсюду преследуют: чтобы почесать правое ухо, надо обязательно взять левую ногу и нести ее за голову. Обычно с этим принципом сталкиваются все, кто в нашей стране когда-либо пытался пробить какие-то новые идеи. То есть всегда встречаешь сложности, которых на самом деле не существует, но они вдруг начинают возникать. Я был рад, что здесь таких трудностей не возникало. Прекрасно сработали мастерские и постановочная часть. В двадцать дней — просто потрясающе — были сшиты все костюмы солистам, восстановлены, то есть полностью заново сделаны яблоня и залочованные рыцари. В общем, все, что возможно было улучшить, потому что некоторые элементы изнашивались во время съемок или просто потерялись, постановочная часть сделала максимально.

Прекрасно работал художник по свету Лукасевич и очень хорошо — машинист сцены Витя Смородинов. Он еще в Москве эти спектакли тоже “рожал” со мной, то есть он изнутри все знает.

Я рад, что спектакли не погибли. Они задумывались для разового исполнения плюс кино. Кино мы закончили, и я очень рад, что все это нашло продолжение и на этих спектаклях будут расти еще многие поколения танцовщиков. Самое главное, что приехала внучка Фокина. Она специально подарил эти спектакли для исполнения здесь, в Петербурге. Я думаю, что исполнилась какая-то мечта Фокина передать эти спектакли на родную сцену. Конечно, большую роль здесь сыграл “Дягилев-центр” во главе с Юрием Любашевским. Кстати, это ведь, если не ошибаюсь, происходит впервые: сотрудничество частной антрепризы,